

Наталья Провоторова

«Диалог культур и партнёрство цивилизаций»: единство мнений и разногласий

Наталья Провоторова — старший преподаватель кафедры русского языка СПбГУП

В Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов прошли очередные, VIII Международные Лихачёвские научные чтения, где традиционно обсуждались самые актуальные из гуманитарных проблем современности.

Идею проводить Дни науки, приуроченные к Дням празднования славянской письменности и культуры, выдвинул в 1993 году выдающийся российский учёный Дмитрий Сергеевич Лихачёв. Таким образом, было положено начало данной традиции. В то время Чтения назывались просто Днями науки. В 2001 году специальным указом Президента России Чтениям был придан государственный статус Международных Лихачёвских научных чтений. В разные годы в них участвовали крупнейшие учёные и известные деятели культуры и искусства, депутаты Государственной Думы и Федерального собрания РФ, члены Российской академии наук и Российской академии образования, представители международных организаций в ООН и ЮНЕСКО и т. д. «Научная география» представлена более чем 30 странами. Среди постоянных участников Чтений можно отметить директора Государственного Эрмитажа Михаила Пиотровского и директора Института философии РАН Абдусалама Гусейнова, президента Фонда науки, культуры, искусства и образования Николая Скатова и главу Российского детского фонда Альберта Лиханова, выдающегося кинорежиссёра Эльдара Рязанова и известного писателя Даниила Гранина.

Проблематику VIII Международных Лихачёвских научных чтений (*диалог культур и партнёрство цивилизаций*), а впоследствии и острую полемику всех дней форума обозначил в своём выступлении М.Б. Пиотров-

ский. Директор Государственного Эрмитажа заметил, что культура денег и культура наследия сосуществуют сейчас во всем мире и везде находятся в конфликте. Как выйти на диалог между ними? Если не будет диалога между культом денег и культом культуры, если не будет осознания того, что деньгам не нужно культурное наследие, если деньги станут для нации целью, а не средством, то сбудутся самые мрачные предсказания поэтов: «Подводной лодкой пошел ко дну / Взорванный Петербург» (В. Маяковский).

Тему диалога и партнёрства подхватил и развил профессор социологии Йельского университета И. Валлерштайн, сказав, что диалог предполагает равенство между культурами. «Диалог вероятен только между равными, в противном случае он превращается в монолог. Аналогичным образом и партнёрство возможно только между равными, иначе оно всего лишь маска, скрывающая господство одной из сторон. Без достижения равенства поиск взаимопонимания между культурами будет безнадежной утопией».

Директор Института философии РАН тоже разделил опасения с М. Пиотровским. Абдусалам Гусейнов считает, что различия культур также являются предпосылкой для диалога. В каждой культуре есть нечто такое, что непереводаемо на язык другой культуры. Равенство культур, суверенность каждой из них в определении своих ценностных приоритетов, норм жизни является обязательным условием диалога между культурами. Диалог культур требует определенного уровня социально ответственного человеческого существования и развития.

Эти слова были подхвачены профессором Российского института культурологии В.Л. Рабиновичем: «Культура — это ансамбль монологов, такой оркестр, где все скрипки первые и каждая хочет, чтобы её слышали. Иные отношения здесь невозможны!».

Разговор о значении и значимости культуры, о диалоге и партнёрстве между её формами существования вызвал дальнейшую полемику. Так, руководитель Пушкинского Дома Н.Н. Скотов в продолжение сказанного М.Б. Пиотровским утверждает, что «настоящая культура стоит дорого. Меценатство не случайно и не вчера возникло!» Говоря о составляющих понятия культуры, о том, что является мерой культуры и антикультуры, Николай Николаевич заметил: «Мы — литературообразующая нация и не существуем без литературы. Наша классика — это и наше прошлое, и одновременно воспоминание о будущем. Отменяя русскую классику, мы лишаем доверенное нам молодое поколение будущего». Продолжая данную проблематику, Н. Скотов (вместе с Альбертом Лихановым) поднял больной вопрос и о школе: «Вопрос в педагогике решает личность учителя. Начинать нужно не с программ, а с подготовки надлежащих учителей».

Начавшаяся дискуссия продолжилась следующим днём на секции «Человек и культура в литературоведении XIX—XX веков». Возглавили её главный редактор журнала «Вестник гуманитарной науки», профессор Рос-

сийского государственного гуманитарного университета Ю.Б. Орлицкий и заведующий кафедрой литературы и русского языка Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, профессор Ю.В. Зобнин.

Поводом для большой дискуссии послужил доклад писателя и краеведа В.В. Есипова *«Дмитрий Сергеевич Лихачёв и Шаламов: два лагерника, два русских интеллигента»*. Речь пошла о малоизвестном письме академика, в котором давалась оценка творчеству ссыльного писателя. Эта оценка несла в себе два неразделимых в России измерения — нравственное и художественное. Именно такой смысл заключен в словах: «...Никто ничего не знает... Вы другое дело. Вы выразили себя и своё». А это дано только большому художнику. Анализируя лагерное творчество обоих, В. Есипов говорит о большой степени духовного родства писателя и ученого, о своего рода постоянной перекличке их во времени и пространстве (хотя они не были лично знакомы и никогда не встречались). Пережив ряд испытаний, выпавших на их долю, оба тем не менее остались настоящими русскими интеллигентами, не опустившись до уровня «чернухи», самоутверждения и «самопиара». И Лихачёв, и Шаламов постоянно пытались разобраться в противоречиях русского национального характера, в его не только положительных, но и отрицательных чертах. И если Лихачёв писал: «Несчастье русских — в их легковерии», то Шаламову принадлежат не менее пророческие строки: «Утрачена связь времен, связь культур — преемственность разрублена, и наша задача восстановить, связать концы этой нити».

Выступление доктора философских наук С.М. Климовой *«Проблемы поэтики Достоевского — Розанова — Бахтина. Индивидуальная авторская мифология писателя как инвариант русской культуры»* началось с несогласия с произнесённой ранее фразой В.Л. Рабиновича: «Культура — это бесконечный монолог, монолог о диалоге или как бы разговор личностей в автономном пространстве». На примере трёх выдающихся мастеров Светлана Климова попыталась доказать, что пространство созидания культуры через тексты, через созвучия авторской мысли — абсолютно диалогично. И когда читаешь авторов, созвучных друг другу и близких творчески и биографически, то видишь общие почерки, как какой-то общий исторический разговор, хотя каждый имеет свою уникальность и индивидуальность. Поэтому и розановская партитура «тотального» цитирования, и полифония Бахтина — Достоевского, и постоянный «внутренний диалог автора с оглядкой на другого» — всё это только максимально объединяет трёх писателей, делает их ближе друг другу, понятнее и целостнее. Их целостность определена общей монотемой — «проникновенное слово», которое не только играет роль «универсального словаря» культуры, формирует индивидуальную авторскую мифологию, но при столкновении/диалоге рождает инвариант русской культуры. На примере Розанова С.М. Климова показывает, что эти тексты специальным образом структурированы так, когда в их основу ло-

жится огромное количество цитат, ссылок, которые не случайным образом захламляют этот текст или его нагромождают, а совершенно специально инспирированы для того, чтобы выстроить многоголосье, самую разную полемическую палитру вокруг одной проблемы. И целостного восприятия можно достичь только совместными усилиями: читатель — автор — герой.

Большое оживление вызвало сообщение преподавателя кафедры славистики Университета Ниццы (Франция) В. Кошкарян «Культура русского «театрального Парижа» в межвоенный период («Интимный театр» Дины Кировой)». Рассказывая о специфике проникновения русской культуры на Запад, Валентина Кошкарян опиралась на малоизвестные воспоминания русской актрисы начала XX века Дины Кировой. Организованный ею в Париже «Интимный театр» был первым русским эмигрантским театром, добившимся популярности и успеха. Его можно было бы назвать Домом Островского в Париже, — пьесами этого драматурга традиционно открывался каждый сезон. В репертуаре «Интимного театра» чётко прослеживаются три категории пьес: во-первых, классика (преимущественно А.Н. Островский, а также А.П. Чехов, А.В. Сухово-Кобылин, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев), во-вторых, пьесы, популярные на рубеже веков, в которых Кирова играла до эмиграции (А.И. Южин-Сумбатов, И.Л. Щеглов, Л.Н. Урванцев, С. Федорович, И. Радзивиллович, М.П. Арцыбашев, Г. Зудерман и др.), и пьесы современного репертуара (в первую очередь малоизвестные русскому читателю пьесы И.Д. Сургучёва и А.М. Ренникова). В основном это были комедии, которые давали возможность русским эмигрантам посмеяться над невзгодами, посмотреть на свои проблемы со стороны. Публика на представлении чутко откликалась на каждую фразу, характеризовавшую эмигрантскую жизнь. Основные цели «Интимного театра», сформулированные князем Ф.Н. Косаткиным-Ростовским и Д.Н. Кировой в творческом манифесте (так остро звучащие сегодня!), гласили: 1) не дать русской молодежи, разбросанной в эмиграции, забыть русский язык, русских классиков; 2) дать возможность взрослой части русской эмиграции вспомнить то же.

В своём докладе «Культурологическая концепция Д.С. Лихачёва и современные стилистические теории» доктор филологических наук П.А. Семёнов, подчёркивая актуальность нынешних Чтений, поднял проблему о соотношении стиля эпохи и языковых стилей. Анализируя концепцию Лихачёва на примере создания истории древнерусской литературы и культуры, докладчик показал, что академику удалось не только вписать историю древнерусской литературы в мировой процесс, но и доказать теорию стилей эпохи, для каждой из которой был характерен не только свой стиль, но и господствующее направление, доказать культурологическое значение концепции, так как стиль эпохи — это явление культуры в целом, стиль культуры. Так, определяя преимущество взгляда Д.С. Лихачёва на культу-

ру через стиль, Пётр Семёнов определил, что стиль эпохи обычно связан с ведущим литературным жанром, он влияет на количество возникающих языковых стилей и характер их взаимоотношений, а любое литературное движение оказывается только частью культурного движения.

О диалоге культур и партнёрстве цивилизаций рассказал доктор филологических наук Р.С. Турысбек. Его исследование *«Взаимосвязь казахской и русской литературы как образец диалога культур»*, рассказывающее о «русском культурном присутствии» на Востоке, наглядно показало влияние двух культур — Востока и Запада — друг на друга. Многие деятели культуры России побывали в Казахстане, когда она стала частью империи. Одни были сосланы, другие прибыли на службу, кто-то приехал за материалом... Но в любом случае соприкосновение с казахским народом оставило в их памяти заметный след и нашло отражение в творчестве. В свою очередь казахская интеллигенция всегда ценила творчество великих представителей русской культуры, стремилась донести до своего народа произведения русских писателей. Так было в XIX, XX веках. Так будет и в XXI веке. Взаимодействие русского и казахского народов, претворённое в творчестве русских и казахских писателей и поэтов, способствовало взаимосвязи представителей разных цивилизаций, являясь во все времена образцом диалога культур. И вполне современно звучат слова Абая Кунанбаева, сказанные более полувека назад, размышляющего о неглубоком духовном мире молодёжи: «Никто не думает о Салтыкове и Толстом, у всех на уме лишь одно — стать адвокатом и толмачом».

Большую полемику в филологических кругах вызвала статья доктора филологических наук А.В. Успенской *«Прыжок с седьмого этажа...»* (*«Литературоведение»* А.А. Фета). Русскому читателю Афанасий Фет известен в первую очередь как тонкий чувственный лирик, но в его творчестве есть и литературная критика, оставшаяся практически незамеченной. Этому были свои причины: Фет постоянно шёл вразрез с общепринятыми установками, являя оригинальный подход к проблемам, отказываясь примкнуть к какому-либо из литературных и общественных лагерей. Задавшись вопросами, «что понимать под словом поэзия» и «что такое красота», поэт писал: «Всё живое состоит из противоположностей <...> лирическая деятельность тоже требует крайне противоположных качеств, как, например, безумной, слепой отваги и величайшей осторожности (тончайшего чувства меры). Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик». Общественно-публицистическая сторона литературно-критической деятельности Фета проявилась в неопубликованной при жизни статье, посвящённой роману Чернышевского *«Что делать?»*. Поэт видит опасность доктрины утопического социализма в том, что «выставляются отдельные члены безобразного тела, оставляя за собой возможность отрицания солидарности этих членов

с уродливым целым». Вывод статьи прямо перекликается с темой нынешней конференции, посвящённой диалогу культур, противостоящему всяческой конфронтации. Фет пишет: «Мы не менее других желаем народного образования и науки, только не по выписанной нами обскурантной программе социалистов <...> наравне с другими мы чувствуем необходимость незыблемых гарантий свободному и честному труду».

Интересный доклад, посвящённый одному стихотворению великого русского поэта, был представлен доктором филологических наук А.В. Ильичёвым «*“Бесы” А.С. Пушкина в литературоведческих интерпретациях XX века: культурологические аспекты поэтической символики*». Докладчик, анализируя данное стихотворение, пришёл к выводу, что, создавая «Бесов», Пушкин обратился к фольклорным истокам, которые до сих пор не были изучены, но именно они помогают понять глубинный смысл всего стихотворения. Лирические рассказы о дорожной встрече с нечистой силой оформлялись в фольклоре в особый жанр — былички или бывальщины. Для былички характерен трагический финал, подчёркивающий власть и силу потустороннего мира над человеком. Пушкин на основе специфики лирического рода утверждает фантастичность самой действительности, опираясь и на установку реальности в быличке. Бесы у Пушкина — это люди, находящиеся во власти демонических сил, их отличие от исконных бесов в том, что это человеческие души, находящиеся во власти бесов. Герою стихотворения открывается иная реальность мира, где всё похоже на обычную жизнь, и в то же время — это мир нечеловеческий, неживой, мир, околдованный и очарованный, управляемый властью демона. Очевидно, что именно эта идея становится центральной, составляет поэтическое открытие Пушкина. Символическая природа стихотворения выразилась и в том, что его поэтическое содержание может легко конкретизироваться и быть воспринято и как выражение трагизма пушкинской судьбы, и как выражение космической или национальной трагедии.

Разговор о русских поэтах продолжил доклад доктора филологических наук Ю.В. Зобнина «*Почему Ахматова не эмигрировала? К вопросу о “миссии советской интеллигенции” в контексте “диалога культур”*». Написанное в 1922 году стихотворение «Не с теми я, кто бросил землю...» развело по разные стороны Ахматову и русских эмигрантов. Она отказалась ехать «покорять за границу», её обвинили в эгоизме («это была единственная возможность спасти сына»). Но долг матери столкнулся с долгом Поэта. Свой взгляд на данную позицию-трагедию Ахматова изложила П.Н. Лукницкому: «Если все уехали — нет Эрмитажа. Вместо скатертей — Рембрандтовские полотна, и некому объяснить, что Зимний дворец — груда пепла и в ней живут беспризорные. Полный развал. А если бы никто не уехал, была бы общественность, сейчас её нет, потому что слишком мало людей осталось. А тогда пришлось бы считаться. Те, кто уехали, спасли свою жизнь, может

быть, имущество, но совершили преступление перед Россией». Её представление о «миссии советской интеллигенции» зазвучало в 1922-м: «А здесь, в глухом чаду пожара / Остаток юности губя, / Мы ни единого удара / Не отклонили от себя».

В унисон сказанному прозвучало сообщение кандидата искусствоведения И.Е. Ерыкаловой *«Культурные реалии петербургского „серебряного века“ в стихотворении О.Э. Мандельштама „Соломинка“ (опыт прочтения чернового варианта)»*. Автор утверждает, что попытка дешифровки и прочтения чернового стихотворения Осипа Мандельштама «Соломинка» позволила выделить два слоя текста, которые, если рассматривать их целиком как одно целое поэтическое, представляют собой два разных стихотворения. Использование послойного метода чтения показывает, что каждый слой отражает некий этап творческой истории, а исправления же демонстрируют рождение нового текста, расширение и изменение замысла, часто основанное на развитии метафоры и образа. Так, образ омута можно трактовать как образ личной судьбы поэта, образ языческого прошлого, образ глубины времени, который восходит к «Реке времён...» Г.Р. Державина. Работа над первоначальным текстом позволяет в некоторой степени понять направление и ход мысли поэта, проясняет первоначальный замысел, который, несомненно, связан с размышлениями о судьбе империи и династии. Помимо контекста творчества Мандельштама и контекста времени, существует также контекст произведения, связанный с именем Саломеи Андрониковой (кому и посвящено данное стихотворение). Их, несомненно, пронизывает единая идея. Так, гибель аристократии поэт предчувствует, размышляя о судьбе Саломеи. Уничтожение аристократии, смена власти, революционная катастрофа всегда влекут за собой уничтожение культуры. «И голубая кровь струится из гранита / Как будто в комнате тяжёлая Нева, / Шуршит соломинка — соломинка убита. / Что если жалостью убиты все слова!»

Тему литературоведческой «дешифровки» культурных символов в художественном тексте продлил доклад доктора филологических наук К.И. Шафадиной *«Вегетативная символика в контексте комедийной и трагедийной поэтики у Шекспира (о “языке цветов” в европейской и русской литературе и культуре)»*. Шекспир не раз обращался к разнообразной символике растений. Так, в комедии «Сон в летнюю ночь» всё действие и все приключения героев связаны с цветочной магией. В мотиве колдовских цветов отразились реальные представления: в Англии в канун Ивановой ночи девушки клали себе под голову корни, чтобы увидеть во сне своих суженых, и собирали цветы, обладающие «волшебными» свойствами. Совершенно иная «цветочная» трактовка даётся Шекспиром в трагедиях. Интерес в первую очередь представляет букет Офелии. Исследователей до сих пор привлекает загадка знаменитого «букета». Кому Офелия адресует свои репли-

ки — персонажам пьесы, зрителям или самой себе? Какой тайный смысл встает за её словами? Опыт Шекспира широко вошел в европейскую, в том числе русскую культуру. Так, шекспировские героини и их связь с миром растений отразились в стихотворении Б. Пастернака «Уроки английского». Название произведения показательное: это квинтэссенция шекспировской поэзии, сращивающей трагическую напряжённость, лиризм, раннюю гибель прекрасных героинь, органически связанных с природным миром.

Продолжило поэтическую тематику сообщение профессора РГГУ Ю.Б. Орлицкого «*Стихи и схемы: формы выражения синтетизма русского поэта-стиховеда в его творчестве*». Главным объектом исследования стали те русские поэты, которые одновременно выступали и как теоретики стиха. Личность таких поэтов находила свое выражение не только в стихах, но и в теоретических построениях, в тех стиховых схемах, которые эти авторы использовали в своих литературных произведениях, а иногда размещали рядом с текстом. В докладе подробно анализируются «опытки» В.К. Тредиаковского, «Письмо о правилах российского стихотворства» М.В. Ломоносова, «Опыты лирические» А.Х. Востокова, стихотворные опыты А. Белого, В. Брюсова, Вяч. Иванова. Особую страницу в истории взаимоотношений поэтической и исследовательской ипостаси одного автора представляет собой творчество XX века, когда поэты-конструктивисты апеллируют к звуковой природе стиха (А. Квятковский, А. Чичерин), а поэты-переводчики уделяют своё внимание свободному стиху, верлибру, совпадению метрической природы строк (М. Гаспаров, С. Завьялов).

Разговор о специфике культурного диалога в контексте теории и художественной практики XX—XXI вв. продолжила доктор искусствоведения РГГУ Л.Ю. Лиманская. Обращаясь в своём докладе «*К вопросу о путях развития искусства XX—XXI вв.: ирония и эпатаж или эстетика порядка?*» к дискуссии с В.Л. Рабиновичем об автономности монологов, исследователь поднимает проблему непонимания двух теоретических художественных позиций, которое приводит к достаточно конфликтным ситуациям в состоянии нашей культуры. Вопрос — «где скрыты истинные ценности искусства: в свободе самовыражения, иронии и эпатаже или в культурной памяти традиции?» — поднимался не единожды и определил идейно-теоретические разногласия среди представителей различных художественных и теоретических направлений. Основоположниками, заложившими теоретический фундамент для концептуального обоснования многих направлений современного искусства, Людмила Лиманская считает З. Фрейда и К. Юнга с их трудами по философии культуры. Докладчик считает, что пути развития современного искусства можно сопоставить с двумя способами интерпретации бессознательного. Идея конфликта культуры и бессознательного сформировала идейно-эстетический потенциал актуальных художественных практик. Образный ряд произведений основывается на отражении

или фиксации бессознательных импульсов. Среди средств эстетического воздействия на зрителя главная роль отводится иронии и эпатажу. Главным эстетическим критерием этих направлений становится способность артобъектов отражать сферу бессознательного, минуя культурные фильтры. Художественный образ мыслится как носитель произвольных интеллектуальных или аффективных значений. Результатом следования теории архетипов становится обращение ряда художественных направлений в переосмыслении классической традиции и постулирование в искусстве эстетики порядка и константных форм. Художников привлекает возможность воспринимать порядок интуитивно в беспорядочном окружении, находить искусство в мире материальных объектов и человека. В этом случае цель современного искусства видится в открытии вечных и неизменных ценностей.

В докладе *«Роман — это не что иное, как способ рассмотрения времени...»*, посвящённом семитомной эпопее Марселя Пруста, профессор А.А. Асоян затронул тему «философии времени» в европейской культуре. Исследователь считает, что признать, что «Пруст обращён к механизму человеческих мыслей и чувств», — абсолютно не верно. Между тем чтение его романов убеждает, что автора интересует не как мыслит и чувствует человек и даже не *что* он чувствует и мыслит. Пруста интересует то, что заставляет человека предаваться этим мыслям и чувствам, то есть через сугубо интимный целостный опыт человеческой индивидуальности, через экзистенцию героя, в многомерную картину, в образ Вселенной, где интроспекция оказывается основным средством познания себя и мира. По мнению Арама Асояна, ответ на этот вопрос для самого Пруста был однозначным: впечатление. Именно это заставляет прустовского героя предаваться мыслям и «чувствам-знакам».

Заинтересовало слушателей сообщение доктора философских наук Н.И. Фатиева *«А. Луначарский и казус Р. Вагнера»*. Читая литературно-художественную критику наркома просвещения, поражаешься её глубине и вневременности. Последнее относится и к его текстам о Р. Вагнере. В своё время тема Р. Вагнера в России XX века осталась нераскрытой. Поэтому тексты Луначарского о креативности мысли немецкого гения не сводятся только к музыке. Затрагивая в первую очередь тему — буржуазия и театр (в современной трактовке — рынок и искусство), Р. Вагнер, как напоминает нам А. Луначарский, сказал что «театр либо храм, либо бизнес и гешефт». Либо жесткая обивка кресел для зрителей, чтобы не расслаблялись и не засыпали, либо ресторан и дом терпимости (толерантности) прямо в партере... Ещё одна тема из статьи наркома — о ренегатстве музыканта. «Пойдя на службу к буржуазии и присмотревшись к новому миру, который открылся ему теперь с вновь занятых позиций, он ужаснулся». Это трагическое осознание открывшихся, отнюдь не радужных перспектив во все времена — один из

мощных творческих стимулов Р. Вагнера. Марксизм, который демонстрирует Луначарский, очень терпим к другим интеллектуальным традициям. Это время собирать камни...

На грустные размышления навёл доклад доктора филологических наук А.И. Филатовой «Русский человек и русская культура в книге В.С. Распутина «Сибирь. Сибирь...». В своё время академик Д.С. Лихачёв высказал пожелание создать Историю Совести и перечислил «Условные заповеди человечности». Среди них: «почитание родителей и прародителей своих» и всего «сотворимого ими», отношение к природе как матери и помощнице своей. Под этими заповедями расписался и Валентин Распутин своей книгой «Сибирь. Сибирь...». Духовность, нравственность, память, человек и природа — проблемы вечные, в наше время они стали заострённо актуальными, на них-то и сосредоточено внимание сибирского писателя. «Сибирь, Сибирь...» — книга глубоких раздумий писателя о Родине, её прошлом, настоящем и будущем, об особенностях национального склада русского человека, его самобытности, и если идти к более частному — своеобычности характера сибиряка, сформированного временем и не в последнюю очередь — Сибирью. Книга Распутина насыщена глубокими мыслями, они гармонично сливаются с любовно-лирической настроенностью её создателя, мысли и чувства находятся в слаженном равновесии. Распутин открывает свою книгу обобщённым образом — портретом Сибири. Слово «Сибирь» не расшифровано. Он видит в этом имени не столько слово, сколько понятие, «звучащее, вроде набатного колокола», который, по его словам, «возвещает что-то неопределённое могучее и предстоящее». Писатель стремится пробудить в читателе чувства сыновства и отцовства, памяти семейной, родовой, исторической. Распутин понимает, что чувство родины трудно передать в слове: немалую роль играют впечатления, эмоции и даже фантазии. Время, уже ушедшее и наступающее, видится писателем с народной точки зрения. Распутин обращается нередко и к устной народной поэзии. По его словам, работая над книгой, он заглядывал в «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, который оказал неоценимую помощь. Распутин, выросший в народной среде, слышит, ощущает народную речь. «Мы способны лишь вопросы задавать, когда что-то великое касается нас, только в вопросах мы иногда окликаем тот язык, который не сумели распознать».

Доклад доктора филологических наук Г.А. Мартиновича «Лексическая норма в восприятии писателей и литературоведов как фактор экологии культуры (от А. С. Шишкова к Е. Н. Ширяеву)» продолжил минорную тему. Говоря о проблеме диалога культур, определённое место занимает и вопрос о заимствованиях, который решался и продолжает решаться далеко не однозначно. Уже в самом раннем периоде становления современного русского литературного языка в среде любителей русской словесности разгорелась горячая полемика, не прекращающаяся и по сей день (!), о качестве, статусе и судьбе русского языка. Ссылаясь на русских классиков, на полемику русских учёных, основателей «нового слога русского язы-

ка», докладчик приходит к выводу, что если «слово прижилось, и останется, и облагородится давностью», то в этом слове сохраняется нужда. Полемика продолжилась в XX веке. Так, в 20-е годы XX в. В.И. Ленин пишет заметку «Об очистке русского языка (размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях)». И как актуально звучат эти строки сегодня(!): «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочёты или недостатки или пробелы? <...> газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности? Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?». Г. Мартинович считает, что сила, могущество, величие русского языка в его богатом выборе: *дефекты* вместе с *недочётами*, *недостатками* и *пробелами*, а также *изъянами*, *пороками*, *несовершенствами* и *минусами* (разг.) и по сей день продолжают успешно употребляться каждое на своем месте. Конечно, соперничество между синонимами (родными русскими и заимствованными) происходит постоянно, и предсказать результат, к сожалению, никто не может. Этот результат зависит не только от лингвистических факторов, статистических или динамических законов языка. Хорошо известно, что по своему характеру развитие языка представляет собой эволюционное развитие и подчиняется всем общим закономерностям эволюции. Поэтому имеются все основания утверждать, что становление той или иной лексической нормы осуществляется в результате естественной конкурентной борьбы между сосуществующими в языке наименованиями (литературными и нелитературными, старыми и новыми, исконными и заимствованными и т. д.), их самоотбора и самоутверждения. Экология современной русской культуры немыслима без экологии современной русской речи, которая во многом определяется степенью ее нормативности, то есть степенью соблюдения/несоблюдения норм употребления единиц языка всех уровней.

Закончить обзор VIII Международных Лихачёвских научных чтений хочется словами детского писателя Альберта Лиханова: «Надо поднять общий голос в защиту литературы в школе, вернуть литературу в список базовых предметов школьного курса. Смею уверить, дети хотят читать, хотят сострадать героям литературы, возвышаясь душой, но их хомутают, стреножат, как жеребят, и ржать-то даже научают не по-русски. Дорогие единомышленники, без чистоты языка нет ясности помыслов. Без душевного раздумья, чем полна литература, душа пуста. Дебилизация всей страны должна быть приравнена к угрозе национальной безопасности. Как говорил Лихачёв, нация, которая не ценит интеллигентность, обречена на гибель».

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов готовит к выпуску сборник материалов Чтений. Думается, он найдет своего читателя.

От редакции:

Наиболее, на наш взгляд, интересные выступления на VIII Международных Лихачёвских научных чтениях, отвечающие задачам журнала «Литературная учеба», редакция планирует публиковать в этом и последующих номерах. Сегодня в рубрике «К истокам» читайте выступление директора Института философии РАН Абдусалама Гусейнова.